

МИР ПИСАТЕЛЯ

Сначала несколько цитат:

А. Д. САХАРОВ: «Этот человек бескомпромиссной внутренней честности, напряженной мысли... Сейчас он... издатель прекрасной (при множестве недостатков, срывов, крайности и лягушачьей) зарубежной литературно-публицистического журнала «Континент», жизненно важного для всех

нас. В ту первую нашу встречу Максимов был очень расстроен... Заполнил его слова: «Эту страну надо уносить с собой на подлодке сапог».

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: «Владимир же Максимов — честный, мужественный писатель, бескорыстно и жертвенно преданный правде, и много преследуемый в поисках ее».

Иосиф БРОДСКИЙ: «У меня ни с

«Континентом», ни с его главным редактором никаких разногласий нет. У меня как писателя, как человека с Максимовым гораздо больше общего, чем с кем бы то ни было».

Генрих БЕЛЛЬ: «Я только что кончил читать книгу Владимира Максимова... Мне кажется, что мы можем ожидать замечательных сюрпризов

из Советского Союза. Прекрасная книга, она называется «Семь дней творения».

Анатоль РЫБАКОВ: «Я люблю Париж, преклоняюсь перед Францией, перед ее великим свободоловным народом. Но Максимов не парижанин... Пена есть во всякой литературе, и здесь, и там. И не надо ее принимать за чистую струю. «Made in

— всего лишь этикетка. Даже если она приклеена в Париже, Понятно?»

Александр ШИРВИНДТ: «Поощрять надо, а нас панически жутят разное там, извините, Максимовы. Меня это просто бесит».

Свод кратких оценок творчества и личности Владимира Максимова, которыми я счел нужным предвратить наш

диалог, весьма примечателен. Не стану его комментировать, скажу только, что не заметил фигуры Максимова на горизонте нашей литературы и общественной жизни конца века нельзя.

Остальное — в самом диалоге. И. З.

И. Золотусский. Начиная с 1990 г. ты не в первый раз приезжаешь на родину. Не стану тебя спрашивать, какую ты застал ее сейчас, ибо это уже политика, а я хочу поговорить с тобой о литературе. Или ты — как многие в ответ на такое желание — скажешь мне: «Какая литература? Не до жиру, быть бы живу?»

В. Максимов. Увы, о чем сейчас ни заговори, даже о цветах, все равно вернешься к политике — такая в стране ситуация. Да и вообще такая страна. Самое страшное, на мой взгляд, что происходит — это разрушение иерархий ценностей, то есть того, с чего начинается общество, на чем оно стоит и что является гарантией его существования. На днях меня пригласило телевидение поговорить о Пушкине и о классике в целом. Но, начав с Пушкина, кончили тем не менее экономикой. Причем по моей «вине»: я позволил себе заявить, что экономика напрямую зависит от Пушкина. Я, разумеется, имел в виду Пушкина как персонализацию национальной культуры. Культура воспринимается в человеке понятиями о Добре и Зле, задает ему этические и эстетические критерии. Человек, лишенный этих понятий и этих критериев, — плохой работник и никакой здоровой экономики создать не способен. Человек вне иерархий ценностей лишь социальное животное, во что в результате многолетнего социалистического эксперимента он превратился. И не только у нас в России. К примеру, в бывшей ГДР, где культура труда намного выше, чем у нас, а технологический эксперимент был менее продолжительным, на 17 миллионов населения вложено уже более 100 миллиардов долларов, а результат практически нулевой. Большевиким всех наших все же удалось вывести «гомо советиком». И этот «гомо советиком» — люмпен. Если раньше этот социальный тип был маргинальным, то сегодня он составляет основу общества на всех его уровнях: в правительстве и в оппозиции, в культуре и экономике, в армии и церкви. Общество живет по принципу: все можно, все дозволено. Если в предыдущий период определяло его состояние как оклопотливое, то есть власть толпы, то на этот раз, внимательно присмотревшись к ситуации, я определяю его как люмпенократию, то есть режим тотальной анархии и безответственности. Такое состояние не оставляет надежды. Как, с помощью какой силы или рычагов власти можно теперь восстановить разрушенную иерархию ценностей, на строительство которой у нас ушло чуть ли не тысячелетие?

И. З. Кажется, Дан Слюгин сказал, надо переходить море по колено, — то есть идти медленно, осторожно, не наступая ногой каждой камешек. Если обещать — утонешь. Культура, как тумус, восстанавливается не одну сотню лет. Мы у разбитых черепков. Надо хоть что-то начать собирать. В том числе — и в культуре. Я не вижу иной цели для интеллигенции, чем, просвещая, просвещать.

В. М. Наша интеллигенция? Помните, где-то в начале шестидесятых, когда да нас дошли «Вехи», интеллигенция умиленно восторгалась порядочностью авторов этого пророческого сборника, всячески зарекаясь от повторения пройденного ее дореволюционными предшественниками, но, едва оказавшись во второй половине восьмидесятых в похожей ситуации, принялась неустойчиво копировать их, что называется, один к одному, разваливая государственность, культуру и экономику страны с каким-то прямо-таки неистовым мазохизмом.

И. З. Рейнсер С. Говорухин, выступая недавно по телевидению, сказал, что он только в одном согласен с Лениным — в том, что наша интеллигенция — «говно». Поражаюсь, как он, думая так, мог оплывать «Россию, которую мы потеряли». Есть интеллигенция — интеллигенция. Есть вехи — вехи, а есть люди, которые еще в шестидесятые годы поняли, что спасение не вне нас, а внутри нас. Твой роман «Семь дней творения» — об этом. Об этом же и «Ожог» В. Аксенова — по моему, лучшая из его крупных вещей. Интеллигентский бал у Сатаны в Москве семидесятых годов вдруг прерывается здесь явлением Того, который всякого, кто понял сердцем свою вину, готов понять и простить. Как это непохоже на нынешний крик из подполья, который, неслучая стухов и прозя, забывает, кажется, все! На это сладострастие саморазрушения, наверное, с унасом смотрит весь мир.

В. М. Смодяковщина, к сожалению, во все времена сопутствовала литературному процессу, но никогда еще она не заявляла своего права на эстетическую диктатуру с такой агрессивной наглостью. «Бесы» все-таки были метафорой определенной общественной тенденции, теперь это сама тенденция. Онолитературные смедяковны становятся законодателями мод во всех областях нашей жизни: в культуре, политике, экономике. И самое удивительное здесь то, что многие действительно полные мастера начинают приравниваться к этой тенденции, боясь, наверное, пропустить ретроградную. Типично кармизинский (от Кармизина в «Братьях Карамазовых» у Достоевского) комплекс.

И. З. Большевики рушили храмы, говоря, что Бога нет, их премирники, приняв церковь как дань эпохе и политический театр, стали изничтожать классику, говоря, что бог русского общественного мнения — литература должна забыть о своих «священных» (и эти слова ставятся ими в кавычки) обязанностях.

В. М. Заметно, что пишут это не о современниках, а о классике. Ибо, пока она существует, они выглядят на ее фоне не более чем околотуратурной шаншой. Поэтому им необходимо опустить все вокруг себя до своего жалкого уровня. Им во что бы то ни стало надо прокричать миру, что они тоже люди.

Разумеется, люди, только маленькие, ничтожные, к тому же осознавшие свое ничтожество и протестующие против этого. Им необходимо весь мир превратить в подполье, только тогда они обретут душевный комфорт. Но уж коли обретут, пощады не ждите.

И. З. Коммунисты тоже не печатали «Размышления о Божественной литургии» Гоголя и многих сочинений Лескова, в том числе брошюру «Еврей в России»...

В. М. Но они хотя бы не покушались на классику. И это, как ни парадоксально, обернулось против них. Если, к примеру, в учебнике литературы рядом соседствовали пропалгандасткая чушь о Павлике Морозове и «Сказка о рыбаке и рыбке», то, естественно, великая литература вымывалась из сознания злободневную пропалганда, сохраняя в ребенке понятия о Добре и Красоте.

И. З. Мы все дети того времени, когда культура внедрялась вправо, а не влево. Основой достоверности и ожесточенности как правых — так и левых, «Искусство есть применение с жизнью», — писал Гоголь. К этому примирению — через принижение на глубину культуры предстоит прийти.

В. М. Но просвещать на тонущем корабле или в горящем доме, только в надежде на то, что корабль не утонет, а дом не сгорит, — это в известной мере прекраснейший романтизм. Сейчас нам бы приложить максимум усилий, чтобы спасти корабль или отстоять от огня дом. Поэтому, как я тебе сказал в самом начале, о чем бы мы сейчас ни заговорили, все равно вернемся к политике: такая ситуация, такая страна.

И. З. Наверное, это чума.

В. М. Хуже. Чума, как известно по историческим прецедентам, даже без внешнего вмешательства в конце концов затихала. Современная чума возникла в условиях иммунодефицита общественного организма, когда этот организм потерял волю к сопротивлению.

И. З. И ты не видишь сил, способных ей противостоять?

В. М. Силы есть, но они немногочисленны и разобщены. Мало того, люди, еще вчера способные к сопротивлению, сами забывают, незаметно для себя заражаясь этой бесовской баццалой. Эпидемия раскручивается, втягивая в свою орбиту все больший круг здоровых людей.

И. З. Я согласен, что это колесо разогнано с убыстрением, но, с другой стороны, появляется толпа, которая было не слышно еще полгода назад и которые предупреждают об опасности. Пелена безумия постепенно спадает с глаз. Даже среди вчерашних нигилистов все чаще слышатся предупреждения, призывающие остановиться на пути к концу.

В. М. Ты прав, в оценке ситуации и правые, и левые сегодня сходятся. На днях я прочел в «Правде» статью Юрия Власова, одного из наших наиболее радикальных демократов. Она поразила меня. Можно соглашаться с ним или не соглашаться, но невозможно не услышать его гнева и боли. Тем не менее, прежде чем понасть в «Правду», статья эта обошла редакцию нескольких демократических газет и нигде не нашла себе места. Вот ты говоришь о здоровых силах, а найдут ли в случае надобности эти силы трибуну для оглашения своей позиции? Или опять только в «Правде»?

...Приезжая в Москву, я по утрам покупал в магазине весь набор платяной продукции справа налево. И если раньше я находил в ней достаточно много самой разнообразной информации, то сегодня, как я убедился, мне довольно одного правого и одного левого органа печати, чтобы составить себе представление о происходящем. Практически все они вновь стали на одно лицо, только под обратным знаком: казенный патристизм обернулся национальным мазохизмом, державная спесь — лаской самознания, ханжеский путанганизм — непотребной похобиной. Неужели так трудно понять, что то и другое одинаково разрушительно?

И. З. Я этого просто ни видеть, ни слышать не могу, я отбрасываю газету и выключаю телевизор, потому что это прежде всего неправда.

В. М. Совершенно верно, это ни хорошо, ни плохо, это просто неправда. Или, вернее, ложь названную.

И. З. Но что же тогда литература в этих условиях?

В. М. Трудно сказать. Она, разумеется, выживает, есть в мире вещи неистребимы, и в первую голову литература, ибо она Свидетель, а Свидетеля трудно заставить молчать, по времени для нее, честно говоря, наступают не самые оптимальные: еще вчера многотиражные журналы хирели, книжный рынок заполняется словес-

ной макулатурой, читателю не до жюри, ему бы теперь только выжить.

И. З. Сейчас происходит выбор на рынок, говоря высокпарно, жемчужин русской культуры. Я имею в виду сочинения наших философов, а также Карамзина, Ключевского, Соловьева, но одновременно с этим история отечественной литературы, русская история переписывается в духе самоуничижения и нигилизма. Эти два процесса постоянно сдвигаются и пересекаются, и какой из них возобладает в нашей культуре — вот в чем вопрос.

душего и т. д. мы «выше» Толстого, ибо Толстой не дотронул до истины марксизма. И сегодня бывшие члены КПСС учат жить тех, кто никогда не состоял в их партии. Они опять «выше» последних, ибо вновь владеют пусть уже другим, но все же «передовым мировоззрением».

В. М. Порою кажется, что это делается намерено. Недаром Троцкий в свое время сформулировал: если мы уйдем, то громко хлопнем дверью. Вот уходят, они и пытаются так сильно хлопнуть дверью, чтобы разрушилось все по принципу: не захотели с

ДИАЛОГ

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Владимир МАКСИМОВ

«Обратно эту ленту уже не перемотаешь»

В. М. Во всем этом потоке разнообразной информации на всех уровнях — философском, политическом, культурном, экономическом — читатель зачастую теряет какие-либо ориентиры. Когда тебе на равных выдают Бердяева и Янова или Сергея Булгакова и Лимонова, то поневоле растеряешься.

И. З. А. Янова я хорошо знал по «ЛП», когда работал здесь в конце 80-х. Он тогда писал обо всем: о социальных формах, о К. Леонтьеве, С. Зальгине, В. Шекспире. Помню нашу последнюю встречу в редакции «Нового мира» незадолго до его отъезда. Он принес туда свой очередной труд. «Спринт (так звали его знакомые), — спросил я, — чем ты на этот раз нас порадуешь?» Без всякой саморинии, указывая на многолистовую папку бумаг, он ответил: «Я ревизию всег шекспироведения за четвереста лет».

И вот теперь, набрав сюда, он спешит в Россию. Причем, уже не как философ, не как литератор, а как эксперт по экономическим вопросам.

В. М. Это порою даже хуже, чем было. Тогда человек, ищущий правды и информации, имел возможность, хотя и с известным риском, доставать самиздатские и тамиздатские материалы, и сравнивать, и делать для себя соответствующие выводы. Теперь же у него не остается территории для такого сравнения: все смешалось, и выловить из этой информационной мешанины мысль, с помощью которой можно было бы сформулировать свое внутреннее состояние, чрезвычайно трудно. Во всяком случае человеку, недостаточно подготовленному, а недостаточность нашего массового читателя, увы, очевидна.

И. З. Не слышишь с тобой учили в школе, что в понимании истории, бу-

нами, тогда гори все синим пламенем! Отсюда и свойственная им мстительность, истинные призывы к новому Нюрнбергу, охота за ведьмами. Парадокс времени: я — убежденный антикоммунист, которым по обе стороны границы еще недавно дугали детей, вынужден защищать так называемых лутчиств от недавнего выпускника Академии общественных наук ЦК КПСС, вдруг возманившего себя борьбой с коммунизмом, чем весьма блок НАТО вместе взятый. Мне могут возразить, что люди меняются. Ответь, правильно, опасен человек, который закован в своих заблуждениях, но отчего эти озабоченные господа не меняются самостоятельно, а только вместе с очередным начальством?

И. З. Об этом надо их спросить.

В. М. В таком случае я тем более не вправе оставлять их инцидент без ответа. Если они действительно осознавали преступность партии, в которой состояли и с помощью которой детали себе карьеры, то пусть салится на скамью подсудимых вместе с лутчистами, с Хонеккером, с теми, кто финансировал зарубежных «братьев по борьбе» и преследовал Сахарова и Солженицына. Кому они лапу на уши вешают, когда заявляют, будто они об этом не знали, не ведали? Я, беспартийный, знал, а они, члены партии, слыхом не слышали! Поищите дураков где-нибудь в других широтах.

И. З. Багаж какого-нибудь нынешнего «патриота» исчерпывается чтением собрания сочинений Ю. Бондарева, а «радикалы» — романом А. Рыбакова «Дети Арбата». Невежество — вот праматерь всех крайностей. Хотя и среди формально образованных людей, как писал Бунин, встречаются «нравственные идиоты».

И. З. В одной газете меня так выправили, что я не узнал самого себя. Слава Богу, удалось в гранках переписать все заново.

В. М. Случай с Власовым, по-видимому, характерен. Как говорится, кто вам платит тот вас и ужинает. Печать и сегодня попала в прямую зависимость от правительственных дотаций. В такой ситуации даже звание «первого заместителя редактора» становится подспорьем само себе пенурироваться. Сегодня проявился принципиальный — завтра не подучишь дотаций. Мы снова оказываемся в той же ловушке, только под демократической вывеской. Теперь, к примеру, обо мне можно печатать те же гнусности, что и во времена застоя, но уже в духе свободы слова и плюрализма.

И. З. Но вернемся к литературе, к нашей национальной культуре, наконец.

В. М. Смотря что понимать под определением «национальная культура». Недавно один мой старый друг, известный киноактер пригласил меня на Нелю славянских фильмов в кинотеатр «Мир». Перед началом кинопромотра состоялся концерт, так сказать, в самом национальном духе: прекрасный хор замечательные исполнители народных песен, русские романсы и даже казачий бард в полном военином обмундировании. Не скрою, я горячо аплодировал вместе со всем залом, но в конце концов поймал себя на мысли: и это все, что называется славянской культурой? Да ведь эту культурную обочину нам и Гитлер оставил. В этом нам и самые оголтелые русофобы не отказывают. Для них это есть Россия: коношники, сарафаны, «Они чужие», злые и хорошие, полный джентльменский набор парижского ресторана «Распутин»; гей да тройка, снег пушистый! А разве не из России пошла современная музыка от Стравинского и Прокофьева до Шостаковича и Шнитке, живопись от Кандинского, Малевича до Шагала и Падкина, театр от Станиславского и Мейерхольда до Эфроса и Любимова, кино от Эйзенштейна и Пудовкина до Тарковского и Параджанова? Я уже не говорю об исполнителях: Ростроповиче, Вишневецкой, Кремере, Баршайнине, Баршце, Ашениази, Макаровой, Нурине, Гаврилове, Рихтере. Концертные программы Запада и Востока буквально заполнены российской музыкой, российскими исполнителями. Российский поэт Иосиф Бродский признан лучшим американским поэтом. Даже телевидению в Америке положил начало здравствующий и повеяв русский изобретатель Зворыкин. Список российских имен, навсегда вошедших в историю мировой культуры, можно продолжать до бесконечности. Зачем же, с какой стати нам самим загонять себя на этнографическую периферию культуры? Ведь это прямо ведет нас к духовному вырождению, если не к самоубийству».

И. З. Еле Гоголь говорил: народность — это не саафан.

В. М. Вот именно. Читая, например, правые газеты, я часто соглашусь с ними: слишком убедительные факты и свидетельства, которыми они оперируют, но тем не менее их выводы меня упегают. Неужели Россия — это только русский мир? Для меня Россия более широкая и многообразная по нятие. Россия — это мир синтетический, сложившийся из многих «чужой» культур, религий, да бы плавать в нем, в котором выплывала новая людская общность. Это, если хочешь, Америка восточного типа, определившая новое национальное качество — российский.

И. З. После этого естественно было бы спросить тебя вот о чем: ты столько лет жил на Западе, много видел, слышал, читал. В каком, по-твоему, соотношении находится сегодня потенциал западной культуры с нашей, пусть погибающей, разрушаемой?

В. М. Одно лишь могу сказать с категорической определенностью: ни вильгельмов, ни ступицы, ни пинбедаются нам по этому поводу не резон. Наша культура даже в том состоянии, в котором она сегодня находится, практически ни в чем не уступает западной. Неудачно переодеться в Москву я, к примеру, попал на парижскую премьеру «Стройбата» Сергея Каледина в постановке Льва

Додина. На премьере собрался, что называется, весь Париж, и ты бы видел, как принимали эти пресыщенные зрители динимали спектакли! В зале присутствовал Питер Брук, который публично признался, что такого зрелища он не видел по крайней мере уже лет пятнадцать, а критика отозвалась еще восторженней. Это для наших снобов с коммунальной кухни за границей все лучше, а для этой самой заграничной — наоборот. Точно читать, когда одна митинговая истеричка в газете «День» титится походкой перечеркнуть русскую литературу.

И. З. Недавно вот так же Виктор Ерофеев попытался унизить Михаила Булгакова, причислив его к заурядным антисоветчикам.

В. М. Господи, сколько их, куда их гонят!

И. З. Как нам изжить это образцованство, это ингилизм и атеизм? Ты начал с того, что без Пушкина невозможна и здоровая экономика. И если вернуться к этому, к основе основ, к фундаменту, то неужели нельзя ничего восстановить? Неужели нельзя восстановить храм Христа Спасителя только потому, что нет тех художников, мастеров, которые бы его возродили? Неужели нельзя спасти хотя бы оставшееся?

В. М. Мне здесь часто говорят, что мол, не может быть страна пропасть, исчерпана с лица земли. К сожалению, может. Россия, как я уже говорил, особое тело, оно складывалось синтетически. Точно таким же образом оно способно и распастся. Часть страны отойдет на Восток и растворится в нем, а другая — на Запад и сделается его придатком.

И. З. Мысли многих людей в России устремляются на Запад, влетает прежде всего его благосостояние. Но если говорить о передеде духовного уровня Запада и Востока, вернее поверженного Российского Востока, то я, бывая на Западе, не чувствовал, что увожу оттуда мед, которым мог бы питаться до конца дней.

В. М. За этим медом они, честно говоря, сюда ездят. К тому же и в социальном плане не все на Западе так устойчиво, как кажется со стороны. Недавние события в Лос-Анджелесе в этом смысле весьма красноречивы. Америка, в силу своей исторической неуверенности, — второе после России слабое звено нулево-христианской цивилизации. Помнится, в самом начале моей зарубежной жизни мудрый Иосиф сказал мне: «Может быть, господин Максимов, мы еще окажемся у вас в эмиграции».

И. З. И ты считаешь, такое может случиться?

В. М. Все может случиться. Вполне возможно новое переселение народов. Нас уже слишком много на земле, отсюда все нынешние глобальные проблемы. Земля с ее современными возможностями больше не в состоянии обеспечить всем европейским уровнем жизни. Будет цивилизация самоограничения, иначе мы перегрузим друг друга в борьбе за место под солнцем.

И. З. Какое же место займет в этой цивилизации культура вообще и литература в частности?

В. М. Я спрашиваю себе: займет ли вообще? Встретит ли? Может и не встретится! Может, нынешний ингилизм в культуре и есть первые признаки этой цивилизации.

И. З. Ты уж слишком пессимистичен. На днях мы встретились с молодыми прозаиками и поэтами, кстати, печатающимися в «ЛП», — они, несмотря на то, что им почти нигде не печататься, что за литературный труд сейчас платят гроши, без страха говорили о своей судьбе. И тянутся к классике, между прочим, многих из них привлекли к церкви. Мне кажется, каждое поколение чувствует свое будущее. Мы росли в страхе перед будущим. У них — вопреки тому, что творится сегодня в России, — этого страха нет.

В. М. Не знаю, но, судя по всему, в государственному распадению вернутесь придется. Ведь не назавешь ты крупнейшую в Америке партию демократов, у которой большинство в конгрессе и сенате, красно-коричневой — но ведь она отчаянно борется именно за активное вмешательство государства в экономику и распределение. Значит, уже пришло: американцы прагматичны зря копыа ломать не станут. Мне часто приходится слышать на Западе от далеко не худших интеллектуалов: «Мы думаем, что вы после нашего страшного опыта предельно новые пути, а вы нас в двадцатый век, к диному капитализму зовете».

И. З. Видно, пришло время для нового Моисея?

В. М. Время пришло, а Моисея нету.

И. З. Может быть, уже есть, но мы его еще не знаем.

В. М. Дай бог.

И. З. И в заключение вопрос чисто житейский. «Континент» ты передаешь другому редактору, от общественной деятельности тоже постепенно отходишь, не сожалешь об этом?

В. М. Пора, мой друг, пора! Эпоха, в которой я жил и которой жил, кончилась. Журнал создал, выросил, передал, все написанное собрал в девять томов Собрания сочинений, выходящего в московском издательстве «Терра», детей породил и поднял, скоро тоже отправится в собственный путь, насыпал деревьев в своем саду. Кажется, все условия для того, чтобы смело назваться человеком, выполнил. Теперь займусь собственной душой. Сожалею ли я о чем-то? Разумеется, но в обратном порядке эту ленту уже не перемотаешь. Придется доживать с тем, что состоялось. Вперед Новая Земля и Новое Небо, но такая земля и такое небо, что не дай нам Бог увидеть их, Игорь!

И. З. Я верю, что Россия спасется. Сейчас она болна, но это болезнь выздоровления.

RYZ Inc КОМПЬЮТЕРЫ В РОССИЮ
Мы доставляем компьютеры и принтеры в Россию за минимальную в США цену и в кратчайшие сроки.
Компьютеры поступают в Россию непосредственно с американского завода-изготовителя в Калифорнии.
Цены на минимальную партию 50 компьютеров:
PC AT 286-16 MHz 110/220 Power Supply 1 MB RAM on Board 5,25" and 3.5" Floppy drivers 40 MB HDD 28 Ms 2 Serial/1 Parattol Ports VGA Card 256K 14 VGA Color Monitor (640x480) 101 Rus/Lat Keyboard 3 Button Mouse MS-DOS 4,01/6,01 Installed All cables and documentation Manufactured in the USA All parts brand now 1 year Manufacturer Warranty FOB New York \$ 680 CIF Moscow, Kiev, St. Petersburg by air \$ 745 80287 Coprocessor + \$ 40 80286-20 MHz + \$ 10
PC AT 386SX-16 MHz 110/220 Power Supply 1 MB RAM on Board 5,25" and 3.5" Floppy drivers 40 MB HDD 28 Ms 2 Serial/1 Parattol Ports VGA Card 256K 14 VGA Color Monitor (640x480) 101 Rus/Lat Keyboard 3 Button Mouse MS-DOS 4,01/5,01 Installed All cables and documentation Manufactured in the USA All parts brand now 1 year Manufacturer Warranty FOB New York \$ 815 CIF Russia by air \$ 885 80387 Coprocessor + \$ 90 80386 SX-20 MHz + \$ 20 80386 SX-25 M H + \$ 30 80386-33 MHz + \$ 250
2 MB RAM + \$ 30 4 MB RAM + \$ 90 80 MB HDD + \$ 90 SVGA Monitor & Card + \$ 65
Имеется для немедленной отправки: 286-20 MHz с копироческой ПО ЖЕЛАНИЮ ЗАКАЗЧИКА МЫ ПОСТАВЛЯЕМ КОМПЬЮТЕРЫ ЛЮБОЙ ДРУГОЙ КОНФИГУРАЦИИ, А ТАКЖЕ ШИРОКИЕ ПРИНТЕРЫ, WIDE CARRIAGE PRINTERS (CYRILLIC SET): CIF MOSCOW: EPSON LX-1050 - \$ 320, OKIDATA ML-183 - \$ 185 STAR NX-1500 - \$ 260 (Скидка при поставке с компьютером)
При заказе более 100 единиц предоставляется скидка
Качество наших компьютеров превосходит любые Ваши ожидания
Образцы высылаются по объявленной цене + 20%
ВОЗМОЖНА ОПЛАТА В РУБЛЯХ
Tel.: (212) 967-2961. Fax: (212) 564-5909 (Нью-Йорк)